

Игорь Мытько
Андрей Жвалевский

9 подвигов Сена Аесли

Серия «Порри Гаттер», книга 3

После того как над планетой пронесся ураган по имени Мергиона Пейджер, дежурным главным героем стал юный гений политехнологий Сен Аесли. До сих пор он пребывал в тени Порри Гаттера и Мергионы, и с удовольствием пребывал бы там еще долгое время, если бы не роковые события Вальпургиевой ночи 2003 года... Смогут ли маги освоить неколдовские науки, как встретят в Школе волшебства Первертс реабилитированного Мордевольта, получится ли вернуть магию Сену и Мерги, а также чем за это придется заплатить — в новой книге о Порри и его друзьях.

Эпохальные хроники или Хронический эпос

*Беру в руки только что отпечатанную книгу. Вдыхаю
запах типографской краски и думаю: найду ли здесь
нечто новое, увлекательное, неожиданное — или эта
книга ничем не отличается от всех прочих в этом
тираже?*

Главный технолог типографии «Уральский рабочий»

Про лог и про кое-что еще

*Скажи мне, кто твой отец, и я скажу, чей ты сын.
Из пособия по уходу за генеалогическими деревьями*

Задолго до многих памятных событий.

До того, как Сен Аесли предотвратил свой первый глобальный вооруженный конфликт.

До того, как Мергиона Пейджер разгадала свой первый ребус японского бога.

До того, как Порри Гаттер собрал из отцовских часов своего первого летающего скорпиона.

Давным-давно.

Много лет назад.

В прошлом веке.

Было 1 июня 1995 года. Серое британское утро неспешно переходило в серый британский день. Про такие дни обычно говорят: «ничто не предвещало». В данном случае это неверно — у магов всегда что-нибудь предвещает. Вот и сейчас потрепанный Рупор Судьбы на стене кухни в доме Аесли устало предвещал опасности, подстерегающие этим вечером Козерогов при нырянии в водоемы с неисследованным дном. Всем остальным знакам Рупор сулил незабываемые впечатления, для получения которых достаточно этим вечером оказаться вблизи водоемов с неисследованным дном.

Маленький Сен Аесли сидел за обеденным столом и увлеченно кидался манной кашей. Белые молочные плюхи одна за другой художественно выстраивались на потолке, образуя улучшенную модель Солнечной системы — большинство планет находилось не на своих местах, зато их было очень много.

Плюх! Плюх! Плюх!

Для катапультирования завтрака Сен использовал сразу шесть ложек, которые роились над тарелкой, как большие серебряные осы, и по очереди ныряли вниз.

Плюх! Плюх!

Грег и Минерва Аесли смотрели на сына.

Плюх!

— Может быть, сегодня не будем строги, — сказала Минерва. — Все-таки у Сена День Рождения.

Плюх!

— День Рождения — это подарки, — сказал Грег, — это торт со свечками. Это гости. Это познавательные игры. Это избавление от избытков энергии путем радостного барахтанья

на старинном ковре. И, наконец, главная радость — уход гостей. Все это сегодня будет, и все это **логично**. Но почему в День Рождения допустимо кулинарное хулиганство? Я не вижу здесь **логики**. А ты, Сен?

Плюх!

— **Сен**?!

Ложки повисли в воздухе. Рупор Судьбы смолк, не завершив интересную мысль о недопустимости махинаций с Весами.

— Объясни, пожалуйста, Сен, что ты делаешь. И, главное, зачем ты это делаешь?

— Не знаю, — сказал Сен. Ложки плюхнулись в тарелку, вызвав небольшое кашетрясение.

— Надо знать. Ты уже большой. Тебе не два года, не три и не три с половиной. И в твоих действиях должна быть логика.

— Ло-ги?.. — повторил Сен. — Ло-га?

— Логика означает, что ты должен знать, что делаешь и зачем делаешь, — логика всегда была сильным местом Грега Аесли, недавно назначенного директором Департамента Затуманивания^[1]. — У твоих действий должна быть веская причина, разумное объяснение. У заляпывания манной кашей потолка нет разумных объяснений. Это **нелогично**. А логично — есть манную кашу. Зачем? Чтобы поддержать силы растущего организма.

Сен взял ложку, ткнул в манную кашу, сунул в рот. Посмотрел на родителей.

Грег улыбнулся. Минерва вздохнула.

— Кха-кха, — сказал Рупор Судьбы. — Так я продолжу. У Блинецов сегодня произойдет событие, которое изменит всю их жизнь... — Рупор покосился на Сена. — Давайте про Рыб. На безрыбье им лучше не попадаться Раку...

Весь День Рождения Сен добросовестно исполнял обязанности именинника. Он радовался гостям (чтобы они остались довольны), говорил «спасибо» за подарки (чтобы в следующий раз принесли новые), играл с детьми гостей (чтобы в увлекательной форме развиваться и познавать мир). Только один раз он замешкался. Когда гости начали требовать задуть четыре свечки на торте, Сен поднял глаза на отца:

— Лога?

Грег Аесли кивнул. Сен четыре раза дунул.

А ночью к нему пришли логи. Гладкие, круглые и серьезные, они уселись на спинке кровати и усталились на

Сена.

— Так, — сказала самая большая лога. — Надеюсь, ты знаешь, что сейчас делаешь?

Сен высунул нос из-под одеяла:

— Я... ле... лежу...

— Допустим, — качнулась Лога. — А ты знаешь, зачем ты лежишь?

— Чтобы... чтобы спал... сплю... спать!

— Логично, — сказала Лога и вдруг, как паук, полезла вверх по невидимой нити. — Надеюсь, ты нас...

Главная Лога исчезла в потолке.

— ...не разочаруешь! — отчеканили остальные логи, спрыгнули со спинки кровати и ушли в пол.

Больше Сен Аесли никогда не кидался манной кашей.

А еще он больше никогда не ломал игрушек, не дрался подушками, не бегал с бессмысленными воплями по двору, не прыгал с раскрытым зонтиком со шкафа на диван. И вообще, он больше никогда не делал ничего, что могло разочаровать лог. Все его действия имели если не вескую причину, то хотя бы разумное объяснение.

Если крошка Сен не мог разобраться, что логично, а что нет, он приходил к отцу и спрашивал. Когда он немного подрос, то перестал спрашивать и начал **консультироваться**.

— Папа, — говорил он, — ты сказал, я должен делать «умозаключения». Но я не знаю, что это.

И Аесли-старший, который никогда не отказывал сыну в обоснованной просьбе, откладывал газету с интересной статьей о промышленной добыче философского камня.

— Если чего-то не знаешь, лучше не спрашивать, а понять самостоятельно. Попробуй рассуждать логично, как я тебя учил.

— «Умозаключение», — отвечал Сен, старательно морща лоб (этому он научился на прошлом занятии), — образовано от слов «ум» и «заключение». Это, наверное, ум, который посадили в тюрьму?

— Логично, — улыбался папа, — и почти правильно. Когда ты делаешь умозаключение, то, наоборот, заключаешь мысли в свой ум.

— Как в тюрьму?

Папа морщил лоб и говорил:

— Скорее, как в казарму. Теперь понимаешь?

Сен кивал, а про себя думал:

«Казарма не подходит. Если "заключение" — значит тюрьма. Это логично».

Постепенно Аесли-младший научился делать умозаключения четко и аккуратно. При появлении новой мысли он внимательно осматривал ее со всех сторон, находил в ней логику и только после этого впускал в свой ум. Если логики не было видно, а мысль начинала буянить и скандалить, Сен прогонял ее прочь и начинал осматривать следующую мысль.

Грег Аесли сыном гордился. Минерва Аесли тоже гордилась, только иногда непонятно почему (нелогично!) вздыхала.

Строгие логи больше не приходили, и Сен Аесли о них забыл.

Точнее, думал, что забыл.

Приступ^[2]

Пять комнат

*Вешая в первом акте ружье на стену, будьте
аккуратны и внимательны. Иначе первый акт может
стать последним.*

Из должностной инструкции работника сцены

*Открылась бездна звезд полна
звездам числа нет бездне дна.*

Скороговорка

Посмотрим на все со стороны.

Это планета Земля. Ой. Извините.

Вот это — планета Земля^[3].

Это ее Северное полушарие. С северной стороны, где обычно растет мох.

Это Европа. Правда, хорошенькая?

Это Британские острова.

На острова бесшумно накатывается темнота, выталкивая старый день 30 апреля 2003 года в Атлантику и дальше — к бывшей британской колонии. За темнотой по сопкам Маньчжурии и отрогам Станового хребта крадется новый день 1 мая. Обычно новые дни не крадутся, а нахально вламываются, но в данном случае осторожность не помешает. Потому что темнота эта — Вальпургиева ночь.

Включите магическое зрение^[4]. Видите в небе что-то странное, похожее на окно? Это дверь. Проход между мирами. Два раз в год, в канун 1 мая и в канун 1 ноября, на Хэллоуин, эта дверь приоткрывается. Выключите магическое зрение. Слышите потусторонний скрип?^[5] Вот.

В приоткрывшуюся щель между мирами проскальзывает Нечто. Оно озирается, крутит длинным носом (хоботом? рогом? чем-то?), возмущенно чихает и проскальзывает обратно. И правильно, Нечему здесь делать нечего.

Щель между мирами, впрочем, остается приоткрытой.

По мнению людей, через открывающиеся щели в границах миров к нам пробирается нечистая сила. С точки зрения магов, это бессмыслица — вся нечистая сила уже тут.

Что же тогда таится за дверью между мирами? — задумываются иногда самые искушенные волшебники, потом трясут головой^[6] и возвращаются к своим обычным чудесным делам.

Спустимся пониже и присмотримся. Вон там, примерно между Англией и Шотландией, что вы видите? Пустое место? Включите магическое зрение.

Ах!

Да, именно «Ах!» А может даже «Ого!»

В заболоченной низине гордо высится Школа волшебства Первертс. Грозные башни, каменные стены, огромные залы, загадочные лестницы, таинственные коридоры, диковинные пожарные щиты, чарующие стенгазеты и волшебные распорядки дня. Здесь юных магов обучают или, правильной сказать, превращают во взрослых магов. Кто такие, маги и чем они отличаются от обычных людей, то бишь мудлов^[7]? О,

это хороший вопрос. Очень хороший вопрос. Очень важный и своевременный вопрос. Да. Давайте вернемся к нему позже.

А вот о сходстве можно сказать сразу. Маги, точно так же, как обычные люди, едят и спят. Вот и сейчас все ученики, учителя и обслуживающий персонал школы магии спят.

Точнее, почти все.

В башнях замка светятся пять разноцветных окон. Заглянем?

Фиолетовая комната

Все комнаты Школы волшебства по странной традиции имели номера. Но вот беда — под воздействием магических отходов числа начинали вести самостоятельную жизнь: меняться дверями, самовольно складываться и скидываться, ходить друг к другу в гости, пить пиво, сбиваться в многочисленные банды и нападать на библиотечные буквы. Возвращались дверные цифры на место только на время министерских проверок^[8].

Другое дело — цвета, отличавшиеся благородством, степенностью, хорошими манерами... Если честно, цветам просто лень так суетиться. Поэтому комнаты Первертса различались еще и по цветам, которых, как известно, 256 даже на старом 14-дюймовом мониторе. Естественно, комната, в которой расположился профессор Мордевольт, была фиолетовой^[9].

По внешнему (то есть внутреннему) виду помещения сразу становилось понятно, что его хозяину все фиолетово. Под горой схем, графиков, механических устройств непонятного назначения и действующих моделей неизвестно чего смутно угадывалась кровать. На шкафу под светом ультрафиолетовой лампы загорала австралийская помощница Мордевольта — электрическая свинья Хрюква. По краю стола, побрызгивая фиолетовыми электрическими искрами, прогуливалась еще одна помощница профессора — Черная Рука.

Единственное инородное тело в этом фиолетовом царстве стояло у окна и переливалось всеми цветами радуги. Принадлежало тело (и голова, разумеется) Югорусу Лужжу, который недавно вступил в должность ректора школы. Чтобы в нее вступить, ему пришлось выступить из предыдущей должности — декана факультета Слезайблинн. И теперь он как раз общался со своим преемником.

— Коллега, — произнес Лужж, — а не многовато ли в нашем учебном плане мудл... неколдовских предметов?

Коллега, профессор Уинстон Мордевольт, тут же схватил калькулятор. Звонкая фамилия, стойкий австралийский загар и выдающийся нос выдавали в Мордевольте классического отрицательного героя. Собственно, до недавнего времени он и был отрицательным героем. И вот, докатились — бывшему Врагу Волшебников доверили воспитывать юных волшебников. Как это вышло? Долго рассказывать^[10].

— Итого, — барабанил тонкими пальцами по кнопкам экс-В.В., — на каждого учащегося приходится всего по 93 часа

занятий на мудловскую тематику в неделю. При пятидневной учебной неделе получается ровно 18,6 ученико-часов в сутки. Целых 5,4 часа на колдовские предметы...

— ...сон, еду и самоподготовку, — завершил Лужж. — И личное время.

— Личное время? — нахмурился Уинстон.

— Ну письмо маме написать, в Мерлинской комнате посидеть... — ректор замялся, — зубы почистить чем-нибудь...

Мордевольт кивнул и принялся вколачивать в калькулятор ректорские поправки.

«Как же мне ненавязчиво перевести разговор на Трубу?» — с тоской подумал Югорус и, чтобы не нарушать цветовую гамму комнаты, замерцал сиреневым.

Труба Мордевольта, изобретенная Мордевольтом, была хитроумным механическо-магическим прибором, который мог лишать волшебников колдовских свойств. При этом отобранная магия не пропадала, а доставалась волшебнику, в руках которого находилась Труба. Если же Труба срабатывала в присутствии мудла, то вся магия волшебника переходила к мудлу.

В ходе Новогодней Битвы Порри Гаттера с домовыми Лужж смог отбить Трубу Мордевольта у ложного ректора Бубльгума^[3]. С ее помощью Югорус собирался сделать магами всех людей, что было розовой, голубой, а также оранжевой в зеленую полосочку мечтой профессора.

Всю зиму Лужж изучал Трубу, пытаясь понять, как бы ее так перестроить, чтобы Труба не передавала магию без остатка, а делила ее поровну. По-честному. Изучение заключалось в старательном разглядывании замысловатого механизма. Из осторожности Югорус проделывал это только в своем тайном чулане в дальнем Астрале.

Возвращение в Первертс реабилитированного Мордевольта подарило Лужжу надежду. Иначе стал бы он 30 апреля, за четыре месяца до следующего учебного года, приходить к этому фанатику прогресса с вопросом об учебных планах?! Ради того, чтобы уговорить Мордевольта, фанатик магии Лужж даже общался без помощи любимых громкоговорящих птиц.

Но поскольку интриганом ректор был посредственным, задача деликатно вывести Мордевольта на беседу о злосчастной Трубе, похоже, не имела решения.

— Задача решена! — Мордевольт вскинул калькулятор вверх.

«Труба, — сказал себе Югорус, — помни о Трубе».

— При введении пятнадцатисполовинойдневной учебной недели нагрузка снижается до вполне приемлемых шести часов в сутки!

— Сколькодневной?

— Пятнадцатисполовинойдневной, — повторил профессор-изобретатель, — то есть в неделе должно быть пятнадцать с половиной дней!

«Ишь как его разобрало, — подумал ректор, глядя на счастливое лицо Мордевольта. — Может, сейчас?»

— В принципе, — осторожно начал он, — колдовские науки можно поджать. Да и самоподготовку тоже... Если, скажем, применить... ну, к примеру... только что пришло в голову...

Мордевольт, Хрюква и Черная Рука слушали внимательно. Лужж взбодрился. Похоже, звезды повернулись к нему лицом, и если не вмешается какая-нибудь враждебная сила...

— ...применить эту вашу Тру...

— Уинстон! А я иду мимо, смотрю — у вас кто-то есть. Дай, думаю, загляну... на фиолетовый огонек.

Сегодня враждебная сила облачилась в золотистый ночной халат такой малой длины, что ее следовало называть не длиной, а короткостью. Хрюква присвистнула. Черная Рука подняла большой палец.

Профессора быстро уткнулись в учебный план, стараясь не смотреть на декана факультета Орлодерр мисс Сьюзан МакКанарейкл.

Нельзя сказать, что это была хорошая идея.

В те вечера, когда деканша решала быть убийственно красивой, всякий мужчина старше 18 лет, не отметившийся тонким комплиментом или хотя бы влюбленным взглядом, очень и очень рисковал. В лихие молодые годы мисс Сьюзан, пришедшиеся на Средние века, за ней неотступно следовали толпы дубин бесчувственных, истуканов недоделанных и пней с ушами, пялившихся на красавицу в тайной надежде, что она сжалится и превратит их обратно.

Вот и сейчас глаза Сью сияли, щеки розовели, кожа благоухала, ресницы порхали, — в общем, все было чрезвычайно серьезно. Серьезность намерений Сьюзан МакКанарейкл подтверждала изящная алхимическая завивка^[12].

Пауза из неловкой начала превращаться в опасную. Мордевольт приподнял ближайшую к Лужжу бровь. Ректор вздохнул и оторвал взгляд от стола.

— Мисс Сью, — сказал он, мужественно глядя на верхнюю пуговицу золотистого халата, — а вы знаете, вы сегодня необыкновенно... э-э-э... обворожительны и... э-э-э... очаровательны и... э-э-э... о...

— Одурительны, — подсказала мисс Сью.

— Да, и это тоже, — согласился Лужж и толкнул в бок Мордевольта.

Уинстон Мордевольт уже взял себя в руки. Он спокойно оглядел декана Орлодерра и вежливо улыбнулся.

— Неплохо, Сьюзан.

И уставился в калькулятор.

Лицо МакКанарейкл потемнело, глаза сузились, ресницы ошетинились. Хрюква начала втискиваться в щель между шкафом и стеной. Югорус Лужж подтянул к себе волшебную палочку. Черная Рука жестом выразила полную готовность обратиться в бегство.

— Мисс Сью, вот вы где! — раздался звонкий рыжий голос. — А я вас по всей школе ищу, и по всему факультету... и по всей вашей комнате... А у вас что здесь, совещание?

— Методический совет, — сказал Лужж, мысленно благодаря наглую девчонку Мергиону Пейджер. С тех пор как Мерги перестала быть колдуньей, она спасла мир, дракона Игу, главный магический артефакт Две Чаши (он же верблюд Рыжик), а теперь вот — ректора Первертса и декана Слезайблинна.

— Тогда я на минуточку, — сказала наглая девчонка. — Мисс Сью, у меня лак кончился, так может у вас...

МакКанарейкл свирепо топнула.

— Пейджер! Ты что тут делаешь, а ну марш в постель! Или ты решила пропустить Первомай?!

Хлопнула дверь. Это Мергиона Пейджер благоразумно переместилась в направлении собственной спальни.

Из стены вывалилась пара кирпичей. Это Сьюзан МакКанарейкл демонстративно покинула общество недоделанных истуканов.

Со шкафа хрюкнули. Это Хрюква и Черная Рука выразили отношение к поведению В.В.: Рука покрутила указательным пальцем у виска электрической свиньи, а Хрюква сделала на хозяина выразительные глаза.

— Плохо дело, — сказал погрустневший Мордевольт.

— Можно даже сказать, что дело труба, — поддержал его Лужж, — кстати, о трубах...

В щели между мирами свистнуло, и в небе над Первертсом появилось еще одно Нечто. В отличие от предыдущего, это Нечто рогами или носами не обладало, а скорее напоминало тень каракатицы. Тень повисла над замком и принялась вслушиваться. Через храп и сопение спящих магов начинало тонко звенеть эхо звуков ближайшего будущего.

Через некоторое время на том, что можно было с натяжкой назвать лицом, расплылось то, что в темноте можно было принять за улыбку.

Салатовая комната

Спальня Мергионы представляла собой смесь обычной девчоночьей комнаты и тренировочного зала дзюдоиста-профессионала. Соседка Мергионы, Амели Пулен^[13], ничего против не имела и каждый день с восторгом наблюдала, как ее подруга делает стойку на косичках или подтягивается на своем верном оруженосце Дубле Дубе.

Но сейчас Амели занималась слишком важным делом, чтобы восхищаться тройным кувырком через лопатку, с помощью которого Пейджер появилась в спальне.

Амели Пулен готовилась к шабашу.

По традиции самая способная первокурсница Первертса получала право участвовать в Вальпургиевой ночи на горе Броккен в Германии^[14]. Менее способные отправлялись в страны Скандинавии, Францию и Испанию, а самые безнадежные шабашили в Северной Ирландии.

Всю ночь ведьмочки наравне со взрослыми ведьмами гоняли на метлах, танцевали до упаду и после него, а также уплетали тортики с кремом из взбитых волчьих ягод. Но с первыми петухами девчонок отправляли спать, потому что тут уж начинались недетские развлечения. Чаше всего взрослые устраивали разнузданные игрища в домино на желания. Фантазия у ведьм отменная: кого заставляли переодеваться козой и жалобно блеять, кого — съесть ведро галушек без помощи рук, кого — пролететь на метле через трубу, а иногда проигравшему даже приходилось воровать Луну^[15].

От факультета Орлодерр в этом году делегировали сразу двух первокурсниц: Амели и Мергиону. Строго говоря, лучшей на курсе ведьмой была Пулен, а Пейджер ведьмой не была вовсе. Но, поскольку Амели стала лучшей благодаря перешедшей к ней колдовской силе Мергионы, то на формальности закрыли глаза. Да и стоит ли уделять такое внимание формальностям, когда есть реальная возможность получить пятаком в лоб от малолетней рыжей ниндзя, которую не пустили на главный шабаш?

Сейчас Амели занималась сатанинским хохотом, который у нее плохо получался в силу природной застенчивости и французского прононса. Стоя перед трюмо, она старательно вскидывала то одну, то другую черную бровь и восклицала:

— Ха! Ха! Ха!

— Нет, — отвечало трюмо, — нужно более протяжно: «Ха-а, ха-а, ха-а».

— На... Фантома... Асса... похоже... — выдохнула Мерги, которая отжималась на кончиках ногтей и была немного обижена невниманием соседки.

Амели порозовела и снова нахмурилась перед зеркалом. Сравнение ей не понравилось: Фантом Асс был одним из следователей, присланных в школу прошлой осенью. За короткое время он умудрился всем надоесть, развалить половину Первертса, а в довершение всего по глупости передать собственные магические способности второму следователю — милейшему пастору Браунингу.

— Хо-хо-хо-хо! — зловеще (как ей казалось) прогремела (насколько у нее получилось) Амели.

— Давай лучше я тебя свистеть научу! — предложила Мерги и уже засунула четыре пальца в рот, как в стену предупреждающе застучали.

Девочки притихли. За стеной находилась спальня Форы Туны, преподавательницы прорицания. Если она начинала предсказывать неприятности, то не успокаивалась до тех пор, пока неприятности не случались.

— Завтра жаловаться побежит, — вздохнула Амели. — К гадалке не ходи.

Дальнейшие тренировки громового демонического хохота проводились шепотом.

— Слушай! — перебила соседку Мерги, которая не видела в упражнениях по хохотанию никакого смысла. — Сегодня же гадать нужно! На суженого^[16].

— На какого?

— Не на «какого», а на «кого». На человека, за которого суждено выйти замуж.

«Будь здесь Порри или Сен, — подумала Мергиона, — обязательно предложили бы погадать еще и на расширенного».

Порри Гаттер и Сен Аесли были однокурсниками Пейджер, тайно влюбленными в нее по самую селезенку. Влюбленность была такой тайной, что о ней знала только Мерги, — Порри и Сен о своих чувствах не подозревали.

— Ой, — обрадовалась Амели, — и правда! А можно? А что надо делать?

Совместными усилиями удалось вспомнить про башмачок, который гадающие девушки бросают через плечо. Что означало такое гадание, девочки не знали, поэтому, когда всю обувь выбросили в коридор, процесс зашел в тупик.

— Что теперь? — Мергиону просто распирало от желания производить бурную бессмысленную деятельность. — Что

еще? Я больше ничего не знаю. А кто знает? Кто у нас все знает?

С этими словами она умчалась в коридор и забарабанила в дверь Форы Туны.

Амели поймала себя на том, что пригнулась.

Из соседней спальни донеслось раздраженное бубнение прорицательницы, перебиваемое звонкими «Ну пожалуйста!», «Ну мисс Форал!», «Ну нам очень надо!», «Ну вот вся надежда только на вас!» и «Ну спасибо!»

Вернулась Мерги с бежевой страничкой, которую только что с мясом вырвали из толстой книги с бежевыми страницами.

— «Положить под подушку зеркало, крепко уснуть, — на ходу читала она, — к утру во сне увидишь суженого...»

Пейджер остановилась и критически посмотрела на свою постель.

— Кто ж это выдержит?

Пулен улыбнулась. Она хорошо изучила соседку и знала, что Мерги способна выдержать что угодно, но терпения у нее хватает не больше чем на пять минут.

— Другой способ... «Поставить одно напротив другого два зеркала, чтобы образовался коридор отражений, перед зеркалом поставить свечу, сесть у зеркала и внимательно смотреть...» О! Это можно!

Когда система зеркал и свечей была выстроена (одна свеча показалась Мергионе недостаточно сильным решением), девочки уселись у трюмо и принялись внимательно смотреть.

— Гм, — сказала трюмо через минуту, — я что, что-то не то делаю? Что вы на меня уставились?

— Т-с-с, — прошептала Амели. — Мы суженых ждем.

— А, — неуверенно сказала трюмо. — Ну тогда конечно...

Прошло еще две минуты, наполненных потрескиванием свечей. Амели начала засыпать.

— Вижу! — заорала Мерги. Амели подпрыгнула. Трюмо пошатнулось. Свечи погасли. За стеной с чувством выругались.

— Мергиона, — позвала Амели, — ты тут?

— Ага, — отозвалась Мерги из темноты.

— Ты кого-то увидела?

— Н-нет. Нет. Никого. Мне показалось.

— Да? И кто тебе показался?

— Никто!

— И на кого он был похож? — не унималась Амели. — А ну-ка, признавайся!

— Отстань!

Амели хихикнула, махнула палочкой и сказала *Люминисцентус-Стационарус*. Зажглись плафоны.

— А это что такое? — вскричала Мергиона, тыча пальцем в стену. — Это что такое?! Это откуда взялось?

Стену напротив трюмо украшал самодельный портрет профессора Харлея.

Амели покраснела так, что зеркало не смогло правильно ее отразить.

— Ну это... я сегодня... повесила тут... а что?

«А что делать?» — спросили грустные глаза нарисованного Харлея.

— Ничего, — сказала чрезвычайно довольная Мерги. — Все в порядке. Значит, я твоего суженого увидела.

Вместо того, чтобы покраснеть еще больше (если только это было возможно), Амели вдруг побледнела.

— Ой! Я же Харлею маски не отнесла!

Девочка схватила со стола стопку ярко раскрашенных африканских масок и умчалась в ночь.

Мерги покачала головой. По ее мнению, девушка, да еще первокурсница, не должна так демонстрировать чувства мужчине, да еще преподавателю. Да еще преподавателю обращения с магическими животными, которых этот преподаватель боялся самым страшным страхом.

В свое время Амели помогла профессору Харлею изобрести дезодорант, отпугивающий все, что шевелится. Но однажды Харлей встретил в коридоре паука, страдающего хроническим насморком. Выбравшись из чулана, преподаватель решил дополнить отпугивающий запах устрашающей маской.

Две недели по вечерам Амели зарисовывала фантазии профессора, который выколдовывал их, предварительно крепко зажмурившись, но из-за предпраздничной суматохи забыла отдать готовые маски заказчику.

— Короче, с сужеными все ясно, — подвела итог Мергиона. — У Пулен — Харлей, у меня — или Порри, или Сен. Или еще кто-нибудь. Третьего не дано!

Мерги потянулась, похрустывая суставами и карамельками «Взлет», которые Амели опрометчиво оставила на кровати. До шабаша оставалось меньше часа.

— Нужно подготовиться, — решила девочка, — хорошенько подготовиться.

Через секунду Мергиона Пейджер спала.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.